Э. Л. Радловъ.

К. ГЕЛЬВЕЦІЙ

и

ЕГО ВЛІЯНІЕ ВЪ РОССІИ.

87.57с
Г39

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28
1917.

1775-177

Э. Л. Радловъ.

Г32

К. ГЕЛЬВЕЦІЙ

И

ЕГО ВЛІЯНІЕ ВЪ РОССІИ.

155914

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28.
1917.

№ Пр

4759

I.

Клавдій Адріанъ Гельвецій родился въ Парижѣ въ январѣ 1715 года. Онъ былъ на два года моложе Дидеро, на три — Руссо, на 21 годъ моложе Вольтера. Годъ рожденія Гельвеція совпалъ съ годомъ рожденія Кондильяка и съ годомъ смерти Мальбранша и Людовика XIV.

Родъ Гельвеціевъ, по всей вѣроятности, происходилъ изъ Швейцаріи, — его предки именовались „Швейцерами“. Одинъ изъ нихъ въ 1649 году переселился въ Голландію, латинизировавъ свою фамилію; онъ былъ лейбъ-медикомъ принца Оранскаго. Ему принадлежатъ сочиненія по алхиміи, напримѣръ, весьма распространенный въ свое время „Vitulus aureus“. Его сынъ, тоже медикъ по образованію, переселился во Францію, и въ Парижѣ пріобрѣлъ положеніе и богатство. Онъ въ борьбѣ съ диссентеріей впервые примѣнилъ съ успѣхомъ ипекакуану. Его перу принадлежатъ довольно многочисленныя сочиненія по медицинѣ. Отецъ нашего философа былъ лейбъ-медикомъ королевы Маріи Лещинской, супруги Людовика XV. Будучи придворнымъ врачемъ, онъ пользовался большимъ вліяніемъ и имѣлъ хорошую репутацію; большого состоянія онъ не имѣлъ. „Любознательность и благотворительность—вотъ два качества, свойственныя роду Гельвеціевъ“, замѣчаетъ біографъ нашего философа, А. Кеймъ, въ обширномъ трудѣ „Helvétius, sa vie et son oeuvre“. Paris 1907.

Нашъ философъ воспитывался въ коллежѣ Луи ле-Гранъ. Любовь къ чтенію древнихъ авторовъ и къ вопросамъ соціальнаго характера возбудилъ въ немъ іезуитъ о. Поре, учитель и Вольтера. Подобно Вольтеру, и Гельвецій сохранилъ къ іезуитамъ то уваженіе, которое сумѣлъ возбудить въ нихъ ихъ руководитель. Въ своихъ сочиненіяхъ Гельвецій весьма рѣзко нападаетъ на духовенство и на католическую церковь, но воздерживается отъ нападокъ на іезуитовъ. По окончаніи коллежа юноша былъ посланъ на выучку къ родственнику, управлявшему фер-

мами, въ Каенъ; здѣсь онъ познакомился съ сельскимъ хозяйствомъ и съ основами политической экономіи. Двадцати трехъ лѣтъ отъ роду нашъ философъ, по ходатайству королевы, получилъ мѣсто откупщика податей (fermier général) съ доходомъ въ 100.000 экю въ годъ. Гельвецій первое время очень увлекался всякаго рода наслажденіями, которыя доставляло ему положеніе въ обществѣ, его богатство, красота и обворожительный характеръ. Онъ игралъ на сценѣ, посѣщалъ салоны, заводилъ знакомства съ выдающимися писателями, писалъ стихи, но благоразумно воздерживался отъ печатанія ихъ,—наиболѣе поэтическое произведеніе, „О счастьи", надъ которымъ онъ долго работалъ, было напечатано послѣ его смерти, —усиленно занимался любовными интригами. Гриммъ писалъ о Гельвеціи, что честная женщина, по его мнѣнію, есть чудовище, которое на свѣтѣ напрасно стали бы искать. Въ любовныхъ связяхъ того времени мы не находимъ и искры дѣйствительнаго чувства; амурныя интриги считались дѣломъ приличія для порядочнаго человѣка и были столь же обычны, какъ, напримѣръ, кропаніе стиховъ въ настоящее время. Видное положеніе, которое Гельвецій занялъ въ обществѣ, и литературныя связи—весьма многимъ писателямъ Гельвеціи оказывалъ матеріальную поддержку — давали ему основаніе попытаться попасть въ академію, но избраніе не состоялось.

Какъ сборщикъ податей, Гельвецій проявилъ много мягкости, онъ не выжималъ изъ плательщиковъ послѣднихъ соковъ, а, напротивъ, помогалъ имъ, гдѣ и когда могъ. По этому поводу передаютъ весьма характерный анекдотъ: въ Бордо ему пришлось выслушать жалобы на новый налогъ на вино. Эти жалобы онъ считалъ справедливыми и написалъ въ такомъ духѣ въ управленіе сборами податей, но получилъ весьма неудовлетворительный отвѣтъ; тогда онъ обратился къ жалобщикамъ со слѣдующими словами: „Пока вы будете только жаловаться, вы ничего не добьетесь; внушите къ себѣ страхъ, соберитесь въ большомъ числѣ, напримѣръ, 10.000 человѣкъ, нападите на нашихъ служащихъ. Я, конечно, стану во главѣ ихъ, но вы насъ побьете и добьетесь справедливости". Въ концѣ концовъ, Гельвецій добился отмѣны пошлины, которая ему казалась несправедливой. Широкая благотворительность Гельвеція во многихъ случаяхъ приводила къ тому, къ чему обыкновенно приводитъ: если еще иногда и прощаютъ обиды, то благодѣянія никогда.

Разсѣянная свѣтская жизнь не могла надолго занять Гельвеція; писаніе стиховъ — дѣло, въ которомъ онъ пользовался любезными указаніями и поправками Вольтера—вскорѣ тоже должно было наскучить; Гельвецій обратился къ чтенію серьезныхъ произведеній, а именно: Локка, Мура („Утопія") и др. Дружба съ выдающимися людьми, какъ-то съ Бюффономъ, Фонтенеллемъ, Монтескье, навела его на разсмотрѣніе политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, а близкое знакомство съ кружкомъ энциклопедистовъ — Гольбахомъ, Дидро и д'Аламберомъ — къ

размышленію надъ психологическими и философскими проблемами. Въ парижскихъ литературныхъ салонахъ того времени вопросы политическіе и философскіе постоянно обсуждались, удачныя слова и мысли записывались и потомъ входили въ составъ научныхъ и литературныхъ произведеній. Въ произведеніяхъ Гельвеція мы часто встрѣчаемся съ парадоксальными мыслями, съ удачными сопоставленіями и пикантными анекдотами, на которыхъ лежитъ явный отпечатокъ ихъ салоннаго происхожденія. О выдающемся положеніи Гельвеція среди плеяды философовъ и писателей 18-го вѣка можно судить, напримѣръ, по тому обстоятельству, что Монтескье доставлялъ Гельвецію корректурные листы своего „Esprit des lois“ и прислушивался къ замѣчаніямъ философа. Въ обширномъ письмѣ къ Монтескье, напечатанномъ много времени послѣ смерти Гельвеція, а именно, въ 1795 г., онъ излагаетъ подробно свои критическія замѣчанія. Хотя Гельвецій строго отзывается о монархической формѣ правленія, однако, это не мѣшаетъ ему видѣть и недостатки парламентаризма. По поводу выборовъ онъ замѣчаетъ: „Ce ne sont pas les plus éclairés, mais les plus charlatans qui obtiennent les suffrages“.

Въ 1751 г. произошелъ рѣзкій поворотъ въ жизни Гельвеція. Тридцати пяти лѣтъ онъ женился по любви на Аннѣ де-Линьвилль, дѣвушкѣ изъ весьма аристократической, но обѣднѣвшей семьи; вмѣстѣ съ тѣмъ Гельвецій отказался отъ должности сборщика податей, сохранивъ лишь придворное званіе, и удалился въ свой замокъ въ Ворѣ. Этотъ отказъ философа отъ громаднаго дохода вызвалъ удивленіе въ обществѣ. Въ своемъ помѣстьѣ Гельвецій занимался хозяйствомъ и устраивалъ своихъ крестьянъ. О его широкой благотворительности здѣсь незачѣмъ распространяться: она принимала иногда даже комическій оттѣнокъ: такъ, напримѣръ, какъ владѣльцу лѣсовъ и охоты, ему приходилось вести борьбу съ браконьерами, но всякое отобранное у браконьера ружье обходилось въ тридорога философу, ибо онъ возмѣщалъ убытки, не говоря объ этомъ своей женѣ, и жена съ своей стороны платила потихоньку отъ мужа, стараясь задобрить браконьера. Гельвецій хотѣлъ устроить у себя въ имѣніи фабрику кружевъ и разныхъ видовъ мануфактуры; но эти затѣи успѣха не имѣли. Пробывъ въ замкѣ Ворѣ восемь мѣсяцевъ, Гельвецій и его жена вернулись въ Парижъ и открыли салонъ, который посѣщался весьма охотно выдающимися учеными, литераторами и художниками. У него бывали Мармонтель, Гриммъ, Фонтенелль, Бюффонъ, Сенъ-Ламберъ, Кондорсэ, Дидро, Гольбахъ и др. Старикъ Фонтенелль оживлялъ бесѣду своими всегда остроумными, иногда игривыми замѣчаніями: такъ однажды, при встрѣчѣ съ супругою Гельвеція, онъ сказалъ, обращаясь къ нему: „A! c'est un astre qui se lève pour moi et qui se couche pour vous!“ Ухаживая за супругой Гельвеція, онъ восклицалъ: „Ахъ, если бы мнѣ было не болѣе восьмидесяти лѣтъ!“ Хотя Гельвецій и вращался въ кругу такъ называемыхъ

энциклопедистовъ, но участія въ изданіи „Большой энциклопедіи“ онъ не принималъ; несомнѣнно, однако, что всѣ идеи, встрѣчающіяся въ его книгѣ „Объ умѣ“, неоднократно были предметомъ обсужденія и выражали собою общій духъ энциклопедистовъ, вообще духъ, господствовавшій въ либеральныхъ кругахъ Франціи въ серединѣ 18-го вѣка. Въ Парижѣ Гельвецій принялся за написаніе книги. Самый процессъ писанія доставилъ ему много труда; онъ не легко работалъ, передѣлывалъ по двадцати разъ написанное, стараясь какъ можно яснѣе и проще выразить свои идеи. Лемонте въ прекрасномъ этюдѣ о Гельвеціи говоритъ: „Son style sans chaleur, mais sans déclamation, clair, précis, varié, plait par sa mesure et sa pureté. Послѣ долголѣтняго и упорнаго труда Гельвецій въ 1758 г. выпустилъ въ свѣтъ анонимно свою книгу „De l'esprit“ — единственное его сочиненіе, напечатанное при его жизни (большой томъ in 4^0, представляющій теперь библіографическую рѣдкость). Успѣхъ и неудача этой книги поразили автора. О судьбѣ ея мы разскажемъ нѣсколько ниже.

Претерпѣвъ различныя невзгоды, но успѣвъ выгородить себя, Гельвецій удалился съ семьей—женой и двумя дочерьми—въ свой замокъ и занялся здѣсь собираніемъ матеріала для второго капитальнаго труда, „О человѣкѣ“, который онъ приготовлялъ постепенно къ печати, но не намѣревался выпускать въ свѣтъ при жизни. Это сочиненіе содержитъ практическое примѣненіе и защиту основныхъ идей, высказанныхъ въ книгѣ „Объ умѣ“. Оно трактуетъ, главнымъ образомъ, о воспитаніи, но въ то же время содержитъ и возраженія на критику, которой подверглась первая книга.

Научныя занятія Гельвеція были дважды имъ прерваны, а именно: поѣздкой въ Англію и путешествіемъ въ Германію. Гельвецій очень многимъ обязанъ англійской философіи, главнымъ образомъ Локку; съ Юмомъ онъ былъ въ перепискѣ. Ему захотѣлось ближе познакомиться съ англійской жизнью и съ друзьями, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ. Дождавшись окончанія семилѣтней войны, онъ въ мартѣ 1764 года съ двумя дочерьми отправился въ Лондонъ. Здѣсь онъ былъ принятъ, какъ авторъ нашумѣвшей книги, очень дружественно, представленъ королю и, судя по письмамъ къ женѣ, остался весьма доволенъ англичанами, хотя нѣкоторые недостатки ихъ національнаго характера и ихъ политики не ускользнули отъ его взора. Въ слѣдующемъ году онъ, по приглашенію Фридриха Великаго, поѣхалъ въ Берлинъ. Пріемомъ короля философъ былъ очарованъ. Гельвецій находитъ Фридриха Великаго любезнымъ, очаровательнымъ, похожимъ на Вольтера: „C'est un homme dont on n'a pas d'idées et fort supérieur encore à ce qu'on imagine“, пишетъ онъ въ одномъ письмѣ. Прусскій король воспользовался знакомствомъ съ Гельвеціемъ, чтобъ дать ему дипломатическое порученіе къ герцогу Шуазелю; хотя Гельвецій приложилъ много старанія къ выполненію возложенной на него задачи, но его миссія успѣха не имѣла. Послѣдніе

годы жизни Гельвецій провелъ въ своемъ имѣніи, занятый научной работой и перепиской съ друзьями. Онъ умеръ 27 декабря 1771 года, переживъ нѣсколько свою славу и нѣсколько забытый своими друзьями. Гриммъ разсказываетъ, что незадолго до смерти Гельвецій жаловался Гольбаху на свое одиночество; Гольбахъ ему замѣтилъ: „Вы оказали услуги многимъ изъ нихъ (друзей), а я ничего не сдѣлалъ ни для одного изъ своихъ друзей, и живу всегда и постоянно съ ними". Въ устахъ Гельвеція жалоба на одиночество должна казаться странной, ибо онъ самъ училъ, что дружба всегда основана на выгодѣ, на потребности. Развѣ не онъ писалъ о философѣ: „Случится ли ему лишиться друга, онъ не будетъ негодовать на него, а только будетъ горевать о человѣческой природѣ и воскликнетъ со слезами: „потребности моего друга измѣнились".

Послѣ смерти Гельвеція, его жена продолжала въ своемъ салонѣ собирать друзей покойнаго философа. Ея салонъ встрѣтилъ съ восторгомъ революцію, дѣятели которой не забыли философа, одного изъ поборниковъ и подготовителей идей, выразившихся въ великомъ народномъ движеніи. Какъ при жизни, такъ и послѣ смерти Гельвеція оцѣнка его подверглась значительнымъ колебаніямъ: такъ 5-го августа 1792 г. бюстъ его былъ увѣнчанъ лаврами вмѣстѣ съ бюстами Вольтера и Руссо, 21-го сентября того же года улица, на которой онъ жилъ, была названа его именемъ, но 5-го декабря того же года его бюстъ, послѣ рѣчи Робеспьера, былъ сброшенъ съ пьедестала, сломанъ и растоптанъ.

Вдова Гельвеція пережила его почти на тридцать лѣтъ. Она умерла въ 1800 году.

II.

Единственное сочиненіе, изданное при жизни философа, „De l'esprit", вышло въ началѣ августа 1758 года и надѣлало тотчасъ столько шума, имѣло такой бурный успѣхъ и подверглось такому жестокому преслѣдованію, какъ весьма немногія книги. Если въ этомъ случаѣ не было забыто древнее требованіе cremate erroгem, salvate errantem, то только благодаря всеобщему уваженію, богатству и высокому общественному положенію, которое занималъ авторъ книги. Но придворныя сферы были напуганы и возмущены доктриной философа, и такъ какъ появленіе книги совпало съ покушеніемъ на жизнь короля, то мѣры, принятыя противъ вреднаго ученія, были суровы, и автору удалось избѣгнуть кары лишь путемъ жертвы самолюбіемъ,—ему пришлось прибѣгнуть къ помощи родственниковъ жены,—путемъ униженія и неоднократнаго отреченія отъ своихъ мнѣній. Самъ авторъ никакъ не ожидалъ той бури, которую онъ возбудилъ, ибо онъ высказалъ въ отчетливой формѣ лишь тѣ мысли, которыя постоянно повторялись въ

салонахъ и сдѣлались какъ бы ходячею монетою. Недаромъ о немъ говорили: „C'est un homme, qui a dit le secret de tout le monde".

Въ чемъ же состоитъ содержаніе книги Гельвеція? Почему она могла вызвать такую бурю? Шамфоръ говоритъ: „Существуетъ два рода моралистовъ и политиковъ: одинъ — къ нимъ принадлежитъ большинство—видитъ лишь дурную сторону въ людяхъ, къ нему слѣдуетъ отнести и Гельвеція, другой—видитъ лишь хорошую сторону, какъ, напримѣръ, Шэфсбюри". Дѣйствительно, Гельвецій, несмотря на благородство характера и на то, что вся его жизнь служила опроверженіемъ его теорій, смотрѣлъ на людей глазами Ларошфуко, мыслями котораго онъ такъ восхищался. Хорошо эту двойственность и расхожденіе ума и сердца въ Гельвеціи оцѣнивалъ король прусскій, который писалъ: „Я нашелъ его характеръ восхитительнымъ. Можно было бы однако желать, чтобы онъ меньше совѣтовался со своимъ умомъ, чѣмъ со своимъ сердцемъ". И далѣе: „Это истинный философъ, выказавшій совершеннѣйшее безкорыстіе, сердце котораго настолько же чисто, насколько умъ легко заблуждается"...

Въ книгѣ „De l'esprit", состоящей изъ четырехъ разсужденій (discours), авторъ предлагаетъ психологическую теорію, изъ которой дѣлаетъ этико-политическіе выводы. Коротко содержаніе можетъ быть характеризовано тремя терминами: сенсуализмъ, эгоизмъ и фатализмъ.

Гельвецій старается свести всю душевную жизнь къ ощущеніямъ, степень совершенства которыхъ зависитъ отъ тѣлесныхъ органовъ. Всѣ представленія возникаютъ изъ ощущеній, мышленіе состоитъ въ сравненіи ощущеній, и оно схватываетъ образы предметовъ, а равно и отношенія ихъ. Въ чувствахъ слѣдуетъ искать источникъ мышленія. Человѣкъ стремится къ наслажденію и избѣгаетъ страданія; поэтому эгоизмъ есть источникъ всякой дѣятельности. Страсти, которыя коренятся въ себялюбіи, опредѣляютъ интересы человѣка. Страсти дѣлятся на простыя, природныя и на соціальныя, опредѣляемыя предвидѣніемъ, воображеніемъ, памятью. Интеллектуальныя наслажденія слабѣе физическихъ, но зато они болѣе продолжительны и устойчивы: тѣло утомляется, а воображеніе нѣтъ. Человѣкъ всегда избираетъ сильнѣйшій интересъ, опредѣляемый сильнѣйшей страстью, отъ которой ожидается наибольшее наслажденіе. Основной принципъ морали—себялюбіе, интересъ или выгода. Изъ этого источника возникаетъ общество, общественное благо и добродѣтель. Добродѣтельнымъ мы называемъ человѣка, страсти котораго соотвѣтствуютъ общественному интересу, т.-е. добродѣтеленъ тотъ, кто умѣетъ согласовать свои удовольствія съ выгодами другихъ. Только сильная страсть способна создать добродѣтель. Это относится какъ къ отдѣльному лицу, такъ и къ цѣлому народу. Воля есть только отвлеченное понятіе, которымъ въ нашемъ пониманіи объединяются движенія страстей. Свободы выбора не существуетъ. Какими бы высокими и благородными ни казались дѣйствія людей, они всѣ проистекаютъ изъ чув-

ства удовольствія, доставляемаго имп дѣйствующему лицу, единичному или коллективному. Ясно, что мы не должны подавлять своихъ страстей, а должны удовлетворять ихъ, ибо безъ страстей нѣтъ ничего высокаго и добраго. Средство направленія страстей заключается въ воспитаніи. По природѣ всѣ люди и ихъ способности совершенно одинаковы. Геній ничѣмъ по существу не отличается отъ обыкновеннаго человѣка. Геній состоитъ въ прилежаніи и вниманіи: у генія только большее количество представленій и сочетаній ихъ. Различіе людей и душевнаго склада ихъ объясняется различіемъ вліянія на нихъ условій среды, т.-е. воспитанія. Особенное значеніе, какъ факторъ воспитанія, имѣетъ форма правленія государства. Законодатель можетъ измѣнить душевный складъ народа. Слѣдуетъ научиться правильно пользоваться наградами и наказаніями для того, чтобы сочетать личный интересъ съ общественной выгодой. Истинныя задачи законодательной дѣятельности государства заключаются въ установкѣ условій, при которыхъ каждое отдѣльное лицо можетъ пріобрѣсть богатство, въ устраненіи возможности эксплоатаціи однихъ классовъ и лицъ другими, привилегированными, и въ распространеніи просвѣщенія, ибо настоящимъ бичемъ человѣчества является невѣжество. Духовенство играло пагубную роль въ этомъ отношеніи, препятствуя распространенію свѣта разума: такую же пагубную роль играетъ и деспотическая форма правленія.

Вотъ основныя мысли книги Гельвеція. Почему онѣ навлекли на него такое гоненіе? Онѣ частью выведены изъ сочиненій Локка, частью изъ книгъ Кондильяка—„Traité des sensations“ вышла въ 1754 году, а сочиненіе о происхожденіи человѣческаго познанія въ серединѣ сороковыхъ годовъ—частью высказывались многими другими и были общимъ достояніемъ мыслителей средины 18-го вѣка. Но не было труда, въ которомъ эти мысли были бы изложены въ полнотѣ, въ столь ясной и общедоступной формѣ; къ тому же авторъ сдѣлалъ изъ теоретическихъ положеній практическіе выводы съ полной послѣдовательностью и откровенностью. Сочиненіе Гельвеція не было только философскимъ трудомъ, а представляло собой и политическій памфлетъ, въ виду этого къ нему разные лица и круги отнеслись не только отрицательно, но съ тревогой, и мѣрами противодѣйствія старались ослабить впечатлѣніе, произведенное талантливымъ нападеніемъ. Круги, близкіе къ нашему автору, энциклопедисты и друзья Гельвеція встрѣтили книгу холодно и критически. Мысли Гельвеція своей односторонностью и парадоксальностью невольно вызывали критику, и эта критика не представляла особенныхъ трудностей, ибо Гельвецій слишкомъ явно подбиралъ факты для доказательства своихъ положеній, забывая о фактахъ, говорящихъ прямо противоположное.

Мы сначала упомянемъ о правительственныхъ мѣрахъ противъ книги Гельвеція, а потомъ о литературной критикѣ его воззрѣній. Застрѣльщикомъ въ борьбѣ съ Гельвеціемъ явился вліятельный при дворѣ

іезуитъ о. Плессъ (Plesse или Pleix), котораго Гельвецій поддерживалъ ранѣе матеріально, и которому онъ и впослѣдствіи, когда этотъ іезуитъ попалъ въ бѣду, помогалъ самымъ деликатнымъ образомъ. Онъ предложилъ, чтобы Гельвецій написалъ отреченіе. Роль о. Плесса въ этомъ дѣлѣ не вполнѣ ясна, но, какъ кажется, весьма некрасива.

Въ началѣ августа 1758 г. вышла книга „De l'esprit", и уже черезъ двѣ недѣли состоялось опредѣленіе королевскаго совѣта о ея запрещеніи; въ ноябрѣ архіепископъ парижскій выпустилъ окружное посланіе, въ которомъ разбиралъ и строго осуждалъ основныя положенія книги. Въ 1759 г. папа Климентъ XIII осудилъ и запретилъ сочиненіе Гельвеція. Въ февралѣ того же года парламентъ опредѣлилъ уничтожить „De l'esprit" въ числѣ другихъ осужденныхъ парламентскимъ опредѣленіемъ книгъ. 4 февраля эти книги были сожжены. Генеральный прокуроръ Жоли де Флери произнесъ обвинительную рѣчь противъ „Большой энциклопедіи" и книги Гельвеція, при чемъ онъ назвалъ эту книгу „собраніемъ страстей самыхъ постыдныхъ и позорныхъ, апологіей матерьялизма и всего, что̀ можетъ сказать невѣріе для возбужденія ненависти къ христіанству и католичеству". Личность автора была пощажена благодаря тому, что онъ принесъ повинную и подписалъ отреченіе отъ своихъ мнѣній въ самой унизительной формѣ. Въ четвертомъ отреченіи Гельвецій писалъ: „Чѣмъ больше онъ размышляетъ и жалѣетъ о томъ, что написалъ книгу „De l'esprit", тѣмъ болѣе онъ боится, что въ своихъ предыдущихъ отреченіяхъ и объясненіяхъ онъ недостаточно ясно выразилъ свои мысли, и потому онъ считаетъ себя обязаннымъ постараться разсѣять, насколько возможно, всякое сомнѣніе въ своей искренности, сожалѣніи и раскаяніи".

Гельвецій долженъ былъ отказаться отъ придворнаго званія, а цензоръ Tercier, пропустившій книгу, былъ отрѣшенъ отъ должности; впрочемъ, король далъ ему впослѣдствіи другое назначеніе. Настоящимъ образомъ пострадалъ лишь одинъ „стрѣлочникъ": за продажу экземпляровъ книгъ былъ посаженъ въ тюрьму одинъ наборщикъ, получившій эти экземпляры взамѣнъ платы за работу.

Въ апрѣлѣ 1759 г. богословскій факультетъ Сорбонны также произнесъ свое осужденіе книги Гельвеція. Осужденіе начинается съ указанія заимствованій Гельвеція у Гоббса, Локка, Юма, Спинозы, Монтескье, Маккіавелли и др. Факультетъ не перечисляетъ всѣхъ источниковъ плагіата „de peur que les vapeurs empoisonnées qui s'exhalent de ces cloaques ne deviennent funestes" читателямъ. Критика факультета касается четырехъ группъ понятій: понятій о душѣ, о морали, религіи и государствѣ; Гельвецій отрицаетъ безсмертіе души и свободу воли; его мораль—панегирикъ распущенности, его религія—деизмъ, представляющій теорію индифферентизма; его ученіе о государствѣ уничтожаетъ право, подрываетъ основы власти короля, ослабляетъ чувства вѣрноподданническія и чувство любви къ законному представителю власти.

Итакъ, и духовная, и свѣтская власть произнесли свой суровый приговоръ надъ книгой и заставили автора испить до дна чашу униженія. Поведеніе Гельвеція въ этомъ дѣлѣ, его отреченія отъ своихъ мнѣній, конечно, не могутъ внушить уваженія, но врядъ ли могутъ вызвать строгое осужденіе. Гельвецій никоимъ образомъ не былъ и не желалъ быть мученикомъ идеи. Онъ болѣе литераторъ, чѣмъ оригинальный философъ. Онъ не шелъ въ разрѣзъ съ общепринятымъ мнѣніемъ, а, напротивъ, высказывалъ въ своей книгѣ то, что думали и чувствовали люди того круга, въ которомъ онъ вращался. Карать его одного за вину всѣхъ было бы несправедливо, а принимать эту кару было безцѣльно. Поведеніе Гельвеція не могло, конечно, увеличить уваженіе къ нему, но не видно также, чтобы кто-либо изъ современниковъ осуждалъ его за отреченіе отъ своихъ принциповъ. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что и самые принципы, изложенные въ книгѣ, могли служить оправданіемъ поведенія Гельвеція—во всякомъ случаѣ, они не требовали мученичества... Естественно пострадать за идею высокой нравственной цѣнности, но трудно себѣ представить мученичество во имя отрицанія нравственности.

Обратимся къ литературной критикѣ; и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ различать писателей духовнаго лагеря, представленныхъ двумя враждующими между собой направленіями, іезуитами и янсенистами, отъ писателей свѣтскихъ болѣе или менѣе дружественныхъ автору.

Какъ іезуиты, такъ и янсенисты отнеслись одинаково враждебно къ Гельвецію. Первыми въ „Journal de Trévaux“ выступили іезуиты; ихъ критика отличалась чрезвычайной рѣзкостью и въ нѣкоторыхъ частяхъ граничила съ доносомъ. И янсенисты обрушились съ своей стороны съ еще большей яростью на книгу Гельвеція въ журналѣ „Nouvelles ecclésiastiques“. Янсенисты обнаружили по отношенію къ Гельвецію больше жестокости, чѣмъ іезуиты: они требовали не только уничтоженія книги, но и наказанія автора. Подробнѣе на критикѣ духовныхъ лицъ незачѣмъ останавливаться, ибо они являются лицами заинтересованными, и хотя справедливость требуетъ признать, что въ ихъ критикѣ много вѣрнаго, но въ то же время и много пристрастнаго; вообще критики эти страдаютъ отсутствіемъ свободы изслѣдованія, догматичностью: они принимаютъ, какъ доказанные, нѣкоторые принципы, которые сами нуждаются въ оправданіи. Во всякомъ случаѣ, ихъ критика не имманентная критика.

Само собою разумѣется, что среди свѣтскихъ писателей Гельвецій нашелъ и защитниковъ и восторженныхъ поклонниковъ, но друзья его отнеслись къ книгѣ холодно; среди нихъ книга успѣха не имѣла. Правда, противъ нападокъ духовной власти Гельвецій нашелъ себѣ защитниковъ, такъ, напримѣръ, въ анонимной брошюрѣ „Lettre au r. p. Berthier sur le matérialisme“, авторъ аббатъ Койэ или же, можетъ быть, Дидро, старается доказать, что самъ Бертье, обвинявшій Гельвеція въ матерья-

лизмѣ, впадаетъ въ него. Леруа въ книгѣ „Examen des critiques du livre intitulé de l'Esprit" очень ловко защищаетъ теорію страстей и интереса Гельвеція съ соціальной точки зрѣнія. Конечно, друзья Гельвеція осуждали травлю, организованную противъ книги; но были причины и мелкія и болѣе важныя, которыя объясняютъ холодность философскихъ кружковъ. Одной изъ причинъ холодности могло быть то обстоятельство, что довольно неопредѣленному недовольству направленіемъ „Большой энциклопедіи" было, благодаря книгѣ „De l'esprit", дано конкретное содержаніе. Основныя идеи книги Гельвеція и „Большой энциклопедіи" были признаны тожественными, одинаково вредными, поэтому и обвиненіе было возбуждено противъ обоихъ изданій, и если „Большая энциклопедія" избѣгла приговора объ уничтоженіи, то только потому, что разсмотрѣніе громаднаго изданія компетентными судьями требовало и соотвѣтственнаго объему времени. Приговоръ не былъ произнесенъ, онъ былъ отложенъ, но обвиненіе было высказано. Другая причина—болѣе мелкаго, субъективнаго характера—это оскорбленное самолюбіе: Гельвецій нигдѣ не ссылается, не льститъ, напримѣръ, ни Бюффону, ни Вольтеру. Наконецъ, третья причина и самая важная—расхожденіе во взглядахъ съ Гельвеціемъ. Остановимся на двухъ-трехъ примѣрахъ, чтобы указать на критическія замѣчанія, сдѣланныя Гельвецію.

Отношеніе Вольтера къ книгѣ Гельвеція довольно неопредѣленное. Онъ въ письмахъ хвалитъ характеръ своего друга, въ письмахъ къ нему всячески ободряетъ его и подзадариваетъ къ энергичной борьбѣ съ богословами, но о содержаніи книги высказывается различно, иногда прямо неодобрительно, или холодно, скептически. Такъ, въ одномъ письмѣ онъ пишетъ: „Вотъ уже десять лѣтъ, что я не читалъ стиховъ Гельвеція. Если они и плохи, то его проза не лучше; это сырой хворостъ, который даетъ мало огня, но много дыма". Вольтеръ смотрѣлъ на злосчастное произведеніе „De l'esprit" глазами литератора, а не философа; его интересовалъ стиль, отдѣльныя мысли, но вкуса къ построенію философскаго цѣльнаго зданія онъ не имѣлъ. Значительнѣе и серьезнѣе замѣчанія Дидро и Руссо.

Дидро дважды высказалъ свои замѣчанія объ идеяхъ Гельвеція, содержащихся въ двухъ его главныхъ произведеніяхъ. Дидро дружественно настроенъ по отношенію къ Гельвецію, признаетъ хорошія качества его стиля, разнообразіе и плодотворность его идей, но это не мѣшаетъ Дидро признать ошибочными основные принципы Гельвеція, безвкусными нѣкоторые анекдоты, скучными длинныя инвективы противъ деспотизма и т. д. Дидро задается вопросомъ, почему книга, основная тенденція которой несомнѣнно благородна—она имѣетъ въ виду защиту слабыхъ и угнетенныхъ противъ угнетателей—возмутила почти всѣхъ. Дидро объясняетъ это недостаткомъ метода книги и парадоксальностью и даже ложностью ея принциповъ. Основныя положенія книги выставлены съ полной рѣзкостью и ясностью, но доказа-

тельства этихъ положеній слабы, неубѣдительны, не выдерживаютъ критики. Авторъ долженъ незамѣтно проникать въ душу читателя, какъ это дѣлаетъ Монтэнь, а не врываться насильно. Критика содержанія книги въ существѣ сходится съ богословской критикой, но ведется на совершенно иномъ основаніи. Дидро утверждаетъ, что четыре разсужденія книги „De l'esprit" содержатъ четыре парадокса, а именно: во-первыхъ, сведеніе всѣхъ умственныхъ функцій къ ощущенію, во-вторыхъ, утвержденіе, что выгода есть мѣрило уваженія и таланта и заключаетъ въ себѣ сущность добродѣтели, въ-третьихъ, что воспитаніе, а не природа создаетъ различіе въ духовныхъ свойствахъ людей и, въ-четвертыхъ, что конечною цѣлью страстей являются тѣлесныя блага.

Эту критику Дидро развилъ, повторивъ основныя ея мысли, въ опроверженіи, написанномъ имъ по поводу посмертнаго сочиненія Гельвеція „De l'homme".

Наиболѣе значительнымъ критикомъ и противникомъ теорій Гельвеція былъ Руссо. Въ своихъ „Lettres de la Montagne" онъ говоритъ, что хотѣлъ выступить въ печати съ критикой книги „De l'esprit", но, узнавъ, что авторъ ея подвергся административнымъ преслѣдованіямъ, онъ, Руссо, сжегъ свою рукопись. Положеніе Руссо было особенно щекотливымъ еще и по той причинѣ, что онъ былъ облагодѣтельствованъ Гельвеціемъ. Руссо всегда отзывался съ величайшей похвалой о личности Гельвеція и, помѣстивъ критику Гельвеція въ „Эмилѣ" и въ „Новой Элоизѣ",—въ особенности въ той части перваго сочиненія, которая носитъ названіе „Profession de foi d'un Vicaire Savoyard"—ни разу не назвалъ имени Гельвеція. Въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ имѣется экземпляръ перваго изданія „De l'esprit", принадлежавшій Руссо; на поляхъ этой книги находятся любопытныя рукописныя помѣтки; онѣ были изданы въ 1779 г. и вошли въ составъ сочиненій Руссо. Гельвецій зналъ, что въ лицѣ Руссо онъ имѣетъ наиболѣе сильнаго идейнаго противника; это доказывается тѣмъ, что онъ старался пріобрѣсти экземпляръ своей книги съ помѣтками Руссо, когда послѣдній продалъ свою библіотеку; тѣмъ, что, по его порученію, эти замѣтки были для него переписаны, когда ему не удалось получить самой книги, и, наконецъ, тѣмъ, что въ посмертномъ сочиненіи „De l'homme" содержатся попытки опроверженія взглядовъ Руссо и его критическихъ замѣчаній. Возраженія Руссо имѣютъ тотъ же характеръ и содержаніе, что и возраженія Дидро, но они болѣе детальны, болѣе точны и иногда болѣе мѣтки. Особенно подробно разобраны психологическіе взгляды Гельвеція, и показано различіе между активной и пассивной стороной духа, между ощущеніемъ и мыслью. Руссо возражаетъ противъ теоріи интереса, противъ сведенія добродѣтелей къ пользѣ, противъ общественнаго интереса, какъ мѣрила нравственныхъ дѣйствій; когда Гельвецій говоритъ: „Все законно и даже добродѣтельно, когда дѣло идетъ объ общественной пользѣ", то Руссо правильно возражаетъ: „Обще-

ственнаго блага, не существуетъ, если каждое отдѣльное лицо не находится въ безопасности". Само собой разумѣется, что Руссо возстаетъ и противъ положенія о духовномъ равенствѣ всѣхъ людей.

Вліяніе книги Гельвеція было значительно; оно выразилось въ томъ, что книга была переведена на англійскій и нѣмецкій языки, что цѣлый рядъ писателей находился подъ вліяніемъ теорій, изложенныхъ въ сочиненіи нашего философа. Конечно, вліяніе Гельвеція было сильнѣе въ области политической и соціальной, чѣмъ въ философской—въ послѣдней можно, впрочемъ, отмѣтить родство идей французскихъ идеологовъ, напримѣръ, Дестюттъ де Траси, съ тѣми, которыя изложены въ книгѣ „De l'esprit".—Къ числу его учениковъ слѣдуетъ причислить Сенъ Ламбера, написавшаго, между прочимъ, и первую біографію—апологію жизни и трудовъ Гельвеція.—Волнея и др. Идеями Гельвеція воодушевлялись Беккарія и Бэнтамъ; такимъ образомъ, нельзя говорить, что книга „De l'esprit" не принесла человѣчеству никакой пользы. Если философскія воззрѣнія Гельвеція и были слабы и нѣсколько низменны, то соціальныя тенденціи его несомнѣнно были направлены въ сторону облагороживанія рода человѣческаго.

III.

Книга „De l'esprit" появилась въ такое время, когда французскія идеи пользовались широкимъ распространеніемъ въ русскомъ образованномъ обществѣ, когда всѣ увлекались Вольтеромъ и зачитывались его произведеніями, поэтому, a priori можно предположить, что книга Гельвеція произвела и въ Россіи впечатлѣніе, и что шумъ, вызванный ея появленіемъ, отразился въ той или иной мѣрѣ и на русскомъ обществѣ. Фактически подтвердить это предположеніе не легко, потому что имя Гельвеція упоминается у русскихъ писателей конца XVIII и начала XIX вѣка почти всегда на-ряду съ Вольтеромъ и Дидеротомъ, такъ что выдѣлить вліяніе Гельвеція трудно. Вообще Вольтера читали гораздо больше, чѣмъ Гельвеція, и Вольтеръ имѣлъ бо́льшее вліяніе. Это доказываетъ слабый интересъ русскаго общества къ философіи, ибо Гельвецій въ гораздо бо́льшей степени философъ, чѣмъ Вольтеръ, и воззрѣнія Гельвеція вполнѣ опредѣленны, въ то время какъ взгляды Вольтера отличаются большой неясностью и неопредѣленностью.

Сочиненія Гельвеція читались, но они не были переведены на русскій языкъ. Въ Тамбовѣ въ 1788 г. появилась книга „Духъ Гельвеція"; намъ не удалось найти этой книги, поэтому мы не можемъ сказать, переводъ ли это или оригинальное произведеніе [1]). Въ журналахъ

[1]) Бильбасовъ въ своей книгѣ „Дидро въ Петербургѣ" (стр. 300) утверждаетъ, что въ Тамбовѣ появился переводъ Гельвеція, тоже самое утверждаетъ и М. Филипповъ. „Судьбы русской философіи". Спб. стр. 116 прим., но судя по заглавію это скорѣе из-

того времени, по всей вѣроятности, помѣщались статьи о Гельвеціи; такъ, въ „Указателѣ“ Неустроева есть ссылка на два номера „Собранія новостей“ 1776 г. мартъ и апрѣль, въ которыхъ помѣщена статья, озаглавленная „Изъ сочиненія Г. объ умѣ, первоначальныя понятія“. Этихъ номеровъ журнала намъ тоже не удалось найти.

Вліяніе Гельвеція прежде всего, конечно, слѣдуетъ искать въ сочиненіяхъ императрицы Екатерины Великой, находившейся въ перепискѣ, между прочимъ, и съ Гриммомъ, который ей сообщалъ всѣ новости, касающіяся духовной жизни Франціи. Въ письмахъ императрицы мы встрѣчаемся съ упоминаніемъ имени Гельвеція; такъ, въ письмѣ отъ 11-го февраля 1794 г., она пишетъ Гримму: „Припомните, покойный король прусскій утверждалъ, что Гельвецій признался ему въ томъ, что намѣреніе философовъ заключалось въ ниспроверженіи всѣхъ престоловъ, и что энциклопедія написана не въ иныхъ цѣляхъ, какъ только въ уничтоженіи королей и христіанской религіи. Припомните также, что вы никогда не соглашались на причисленіе васъ къ философамъ“ [1]). Въ другомъ письмѣ отъ 6-го апрѣля 1795 г. она писала Гримму: „Я безъ ропота буду ждать того благопріятнаго времени, когда вамъ заблагоразсудится оправдать передъ моимъ умомъ философовъ и ихъ послѣдователей (et les garçons d'iceux) въ томъ, что они принимали участіе въ революціи и въ особенности въ энциклопедіи, хотя Гельвецій и д'Аламберъ оба признались королю прусскому, что въ этомъ сочиненіи были только двѣ цѣли: первая—уничтоженіе христіанской религіи, вторая — королевской власти“ [2]). Въ статьѣ А. Рачинскаго („Русскій Вѣстникъ“, 1876, № 5) подъ заглавіемъ „Русскіе цѣнители Гельвеція въ XVIII вѣкѣ по документамъ Московскаго главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ“ приводится любопытная переписка князя Д. А. Голицына, русскаго посланника при французскомъ дворѣ, съ вице-канцлеромъ княземъ А. М. Голицынымъ. Эта переписка касается посмертнаго сочиненія Гельвеція „De l'homme“, рукопись котораго была доставлена наслѣдниками Гельвеція князю Голицыну съ ходатайствомъ о томъ, чтобы императрица приняла посвященіе этого сочиненія и содѣйствовала изданію его. Прежде чѣмъ рѣшиться на что-либо въ этомъ дѣлѣ, императрица пожелала познакомиться съ текстомъ сочиненія и предложила прислать ей копію. Князь Голицынъ медлилъ съ дѣломъ о перепискѣ рукописи, несмотря на постоянныя напоминанія со стороны своего родственника, вице-канцлера: въ одномъ изъ писемъ послѣдняго сообщается посланнику резолюція императрицы: „Остаюсь при ожиданіи заказаннаго списка, запрещаю посвященіе и не желаю вѣдаться ни съ печатаньемъ, ни съ подлинной рукописью“. Въ концѣ концовъ,

---

влеченіе, чѣмъ переводъ. Въ XVIII вѣкѣ подъ заглавіемъ „Esprit de“... постоянно появлялись извлеченія.

[1]) Сборникъ русскаго историческаго общества. Томъ 23, стр. 593.

[2]) Сборникъ русскаго историческаго общества. Томъ 23, стр. 622.

однако, книга вышла въ Гаагѣ въ 1772 г., благодаря содѣйствію князя Голицына и съ посвященіемъ императрицѣ Екатеринѣ. Въ письмѣ отъ 16-го сентября 1773 г. императрица пишетъ Вольтеру, что книга „Histoire philosophique et politique du commerce des Indes“ помѣшала ей ознакомиться съ посмертнымъ сочиненіемъ Гельвеція [1]). Читала ли Екатерина Великая Гельвеція? Прямыхъ указаній въ ея перепискѣ нѣтъ: но въ ея библіотекѣ находился экземпляръ перваго, уничтоженнаго изданія „De l'esprit“ [2])—онъ теперь принадлежитъ Публичной библіотекѣ. Сверхъ того, въ знаменитомъ Наказѣ легко замѣтить вліяніе Беккарія, ученика Гельвеція, который о себѣ говорилъ въ письмѣ къ Морелле: „д'Аламберъ, Дидеротъ, Гельвецій, Бюффонъ, Юмъ, имена славныя, произнося которыя нельзя оставаться нечувствительнымъ! Безсмертныя творенія ваши составляютъ мое чтеніе, предметъ моихъ дневныхъ упражненій и разсужденій въ тишинѣ ночной“. И далѣе, разсказывая исторію своего умственнаго развитія: „Пять лѣтъ считаю я эпоху обращенія своего къ философіи и одолженъ онымъ чтенію „Персидскихъ писемъ“. Второе твореніе, докончившее переворотъ моего ума, книга г-на Гельвеція. Онъ силою повергъ меня въ путь истины, и первый возбудилъ вниманіе мое на ослѣпленіе и несчастія человѣчества. Большею частью своихъ мыслей обязанъ я чтенію книги „О духѣ“ [3]). Цитатъ изъ Гельвеція въ Наказѣ мы не нашли.

И великій князь Павелъ Петровичъ въ очень юные годы интересовался сочиненіями Монтескье, Гельвеція, Вольтера. Порошинъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что Павелъ Петровичъ разспрашивалъ его о сочиненіяхъ этихъ писателей, и Порошинъ, чтобы удовлетворить любопытству великаго князя, говорилъ ему: „есть такія книги, которыя для всякаго состоянія къ просвѣщенію разума необходимы, и въ числѣ такихъ книгъ онъ почитаетъ и сочиненія г. Монтескье и Esprit Гельвеціевъ; такихъ книгъ не такъ много, чтобы въ нихъ очесться было возможно“.

Незачѣмъ подробно доказывать, что въ русскомъ высшемъ обществѣ идеи французскихъ философовъ пользовались широкимъ распространеніемъ: увлекались, главнымъ образомъ, сочиненіями Вольтера, но и Гельвеція читали довольно усердно; въ доказательство этого утвержденія приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ 1761 году И. И. Шуваловъ писалъ Гельвецію: „Вы пріобрѣли столь справедливое всеобщее уваженіе,

[1]) Сборникъ русскаго историческаго общества. Томъ 13, стр. 358.

[2]) Въ вольтеровской библіотекѣ нѣтъ экземпляра этой книги, хотя это изданіе было въ рукахъ Вольтера, и онъ дѣлалъ на немъ маргинальныя помѣтки.

[3]) См. Беккарія „Разсужденіе о преступленіяхъ и наказаніяхъ, переведено съ итальянскаго языка на французскій Андреемъ Мореллетомъ, а съ того на россійскій Дмитріемъ Языковымъ съ присовокупленіемъ примѣчаній Дидерота и переписки сочинителя съ Мореллетомъ“. „Печатано по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію“. Спб. 1803, стр. 17 и 18—19.

что не должны удивляться, получая изъ странъ самыхъ отдаленныхъ знаки заслуженнаго вами почтенія. Вашъ превосходный геній, производя въ другихъ впечатлѣнія, кажется, хочетъ раздѣлить съ нами тѣ преимущества, которыми природа васъ одарила... Вы стяжали право на всеобщую признательность. Я не имѣю чести быть знакомъ съ вами, но почиталъ бы себя неблагодарнымъ, если бы, прочитавъ ваше безсмертное сочиненіе „Объ умѣ", не благодарилъ знаменитаго сочинителя, какъ своего наставника, за ту пользу, которую я извлекъ изъ онаго. Я призналъ бы себя счастливымъ, когда бы мое уваженіе къ вашимъ познаніямъ предупредило васъ въ пользу народа, къ несчастью, прослывшаго у многихъ варварскимъ. Самое сильное доказательство вашихъ благопріятныхъ для меня мыслей было бы доставленіе мнѣ случая, хотя нѣсколько быть для васъ полезнымъ въ моемъ отечествѣ и тѣмъ доказать отличное къ вамъ почтеніе, съ коимъ и пр. [1]).

Княгиня Дашкова въ началѣ своихъ записокъ разсказываетъ о внутреннемъ переломѣ, пережитомъ ею, когда „меланхолія овладѣла ея духомъ и уничтожила ея веселый и даже насмѣшливый нравъ". Она обратилась къ размышленіямъ надъ собой и близкими людьми, а также къ серьезному чтенію; тѣмъ временемъ, говоритъ она, и умъ мой зрѣлъ и укрѣплялся. На слѣдующій годъ, перечитывая книгу „О разумѣ" Гельвеція, я пришла къ заключенію, что если бы не было второго тома этой книги, болѣе приспособленнаго къ пониманію большинства людей, и если бы ея теорія не была приноровлена къ состоянію вещей и человѣческаго ума, свойственному массамъ, то она могла бы нарушить гармонію и порвать цѣпь, связующую всѣ столь разнородныя части, составляющія государственность. Я потому останавливаюсь на этихъ мысляхъ, что онѣ доставили мнѣ впослѣдствіи не мало наслажденія".

Болотовъ въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что начальникъ его отца, старый князь Гагаринъ, „находясь при дверяхъ самого гроба, обожалъ Вольтера, Гельвеція и другихъ подобныхъ имъ изверговъ".

Но французскіе писатели и ихъ идеи проникали и въ средніе слои общества. Такъ, Жихаревъ въ „Запискахъ современника" разсказываетъ объ одномъ „изрубленномъ въ котлету майорѣ Евреиновѣ", съ которымъ онъ познакомился въ Липецкѣ. Этотъ маіоръ бредилъ Вольтеромъ, Дидеротомъ, Гельвеціемъ и прочими энциклопедистами и внѣ ихъ сочиненій не находилъ ничего, заслуживающаго вниманія и уваженія. Жихаревъ пробовалъ разувѣрить его насчетъ этихъ писателей и предлагалъ прочесть Шиллера. „Куда тебѣ... Глаза наливаются кровью, пѣна у рта, не даетъ слово выговорить... „Да читали ли вы что-нибудь, кромѣ вашихъ фаворитныхъ писателей?.." „Не читалъ и читать не буду" [2]). Винскій

---

[1]) См. Біографія П. П. Шувалова (П. Бартеневъ), Москва, 1857, а также „Вѣстникъ Европы" 1826 г. № 7.

[2]) Незеленовъ „Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху". Стр. 26—27

въ своихъ интересныхъ запискахъ разсказываетъ, что онъ занимался съ дочерью хозяина, у котораго онъ жилъ, французскимъ языкомъ, и что эта дѣвушка достигла такого знанія языка, что могла переводить Гельвеція и другихъ писателей. Самъ Винскій очень восхищался французской философіей и постоянно читалъ произведенія Вольтера, Руссо и др. Эти сочиненія, по его свидѣтельству, „читались съ крайней жадностью".

До Екатерининскаго времени въ Россіи господствовало нѣмецкое вліяніе: русскихъ юношей посылали въ Германію и въ родственныя ей по крови страны для обученія. Нѣмецкое вліяніе видно и въ одной изъ самыхъ раннихъ книгъ философскаго содержанія, а именно, въ книгѣ Григорія Теплова „Знанія, касающіяся вообще до философіи для пользы тѣхъ, которые о сей матеріи чужестранныхъ книгъ читать не могутъ, собраны и изъяснены" (Спб. 1751), составленной по Станлею и Гейнекцію, излагаются взгляды автора, заимствованные у Чирнгаузена. Очеркъ исторіи философіи оканчивается Гуго Гроціемъ, Пуффендорфомъ, Гоббезіемъ. Къ концу очерка приложены не очень лестныя слова Теплова о философахъ: „Не можно того въ горячкѣ сбредить, чего бы философы до сего времени уже не сказали".

Если на Тепловѣ отразилось нѣмецкое вліяніе, то на Яковѣ Козельскомъ вполнѣ отчетливо видно французское вліяніе и при томъ, главнымъ образомъ, Гельвеція: Козельскому принадлежатъ два сочиненія, содержаніе коихъ можетъ быть отнесено къ философіи: во-первыхъ, „Философическія предложенія" Спб. 1768 и, во-вторыхъ, „Разсужденія двухъ индійцевъ Калана и Ибрагима о человѣческомъ познаніи". Томъ I, Спб. 1788. Второе сочиненіе представляетъ діалогъ двухъ лицъ о предметахъ одушевленной и неодушевленной природы; философскаго содержанія въ немъ почти нѣтъ, но въ немъ встрѣчается на стр. 15-й сопоставленіе трехъ знаменитѣйшихъ философовъ древней, новой и новѣйшей исторіи. Эти философы суть: Сократъ, Картезій и Гельвецій. Эта высокая оцѣнка философіи Гельвеція ясна и изъ первой книги, болѣе интересной, чѣмъ „Разсужденія двухъ индійцевъ". „Философическія предложенія" состоятъ изъ отдѣла теоретической и отдѣла практической философіи; каждый изъ этихъ отдѣловъ распадается на двѣ части, а именно, первый на логику и метафизику, а второй—на юриспруденцію и политику. Авторъ „не учился ни отъ кого философіи", но „выбралъ изъ книгъ полезныя для человѣческаго рода истины и къ онымъ присовокупилъ и свои извѣданныя надежными опытами"... „Объявляю по самой сущей справедливости, во сколько времени позналъ я изъ философіи безъ предводительства учителя все то, что содержитъ въ себѣ сія сочиненная мною книга. Я, не останавливая другихъ дѣлъ, употребилъ на познаніе и сочиненіе содержащейся въ сей книгѣ матеріи годъ, и думаю, что всякій, упражнявшійся въ наукахъ, скажетъ, что на такое дѣло употреблено весьма немного времени... (стр. 31). Изъ всѣхъ философовъ нашелъ я только

четырехъ человѣкъ, а именно господъ Руссо, Монтескіу, Гельвеція и нѣкотораго Анонима, коего книгу подъ титуломъ „Philosophie morale réduite à ses principes“, которые писали основательно о матеріяхъ нравоучительной философіи... А матерію теоретической философіи заимствовалъ я отъ господъ Готшеда, Бавмейстера и другихъ нѣкоторыхъ; кратко сказать, я разсужденія мои почерпалъ отчасти изъ источниковъ натуры, а отчасти у ея фаворитовъ, а у тѣхъ писателей, которые силятся вотще подвергнуть своимъ законамъ натуру, мало заимствовалъ“ (стр. 2-я).

Все сочиненіе Козельскаго изложено въ 472-хъ параграфахъ; нѣкоторые изъ нихъ повторяютъ мысли Гельвеція, при чемъ авторъ дѣлаетъ и соотвѣтственныя ссылки; такъ, напримѣръ, пар. 181 гласитъ слѣдующее: „о безконечности, равно какъ о пространствѣ и матеріи отъ многихъ вѣковъ спорятъ между собой философы и подаютъ о томъ разныя мнѣнія. Господинъ Гельвецій далъ симъ вещамъ вѣрнѣе всѣхъ опредѣленія, которыя написалъ въ семъ сочиненіи“; пар. 214 говоритъ о свойствахъ воли; авторъ приводитъ дѣленіе Картезія и замѣчаетъ, что „господинъ Гельвецій раздѣлилъ страсти лучше: на натуральныя и производныя, въ натуральныхъ полагаетъ онъ только пріятность и скуку, и въ производныхъ происходящія отъ сожитія человѣческаго зависть, гордость, скупость, честолюбіе и прочая“. Пар. 262 озаглавленъ: „Примѣчанія, касающіяся до разума человѣческаго“; онъ состоитъ изъ 12 примѣчаній, подъ литерами отъ О до Т; подъ литерой К мы мы читаемъ: „которые люди скоро понимаютъ доброту и недостатокъ какихъ-либо вещей, то имѣютъ они сію способность не отъ натуры, а отъ привычки“, сдѣлана ссылка на Гельвеція, который училъ, что всѣ люди по природѣ въ умственномъ отношеніи равны, а различіе есть результатъ воспитанія. Пар. 280 гласитъ: „На семъ разсужденіи основавшись, раздѣляю я, по примѣру господина Гельвеція, добродѣтель и разумъ на прямые или философскіе или всемірные и на приблизительные къ прямымъ какъ то на народные, то есть цѣлаго какого народа, на общественные, то есть малаго какого общества и особенные, то есть каждаго человѣка особо“. Наконецъ въ пар. 393—393 читаемъ: „Господинъ Гельвецій пишетъ, что въ разсужденіи человѣческихъ пороковъ надо жаловаться не на злость человѣческую, а на слабость законодавцевъ, которые всегда полагали особенную пользу въ противность общей пользы“. „Для чего по нынѣшнее время (говоритъ тотъ же господинъ Гельвецій) нравоучительная философія не можетъ поправить нравовъ въ народахъ, причиною сему то, что пороки народные скрыты въ самыхъ законахъ, и ежели кто хочетъ истребить пороки въ такомъ народѣ, не перемѣняя производящихъ ихъ законовъ, то ищетъ невозможнаго..., а что касается до слабыхъ законовъ, то я въ дополненіе къ сему скажу, что причиною ихъ слабости можетъ быть непристойный порядокъ нравоученія прежде бывшихъ философовъ“. Слѣдующее за этимъ параграфомъ положеніе цѣликомъ заимствовано изъ Гельвеція, какъ и многія другія.

Изъ приведеннаго ясно, что Козельскій тщательно изучалъ Гельвеція, и хотя заявляетъ, что, главнымъ образомъ, обязанъ Руссо, но несомнѣнно, что и Гельвецій оказалъ на него значительное вліяніе.

Самымъ интереснымъ указаніемъ на вліяніе Гельвеція служатъ сочиненія Радищева. Радищевъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми молодыми людьми былъ посланъ въ Лейпцигъ для пополненія образованія. Среди нихъ самымъ выдающимся былъ Ѳ. В. Ушаковъ, „Житіе“ котораго Радищевъ описалъ. Этому Ушакову какой-то проѣзжій сановникъ, имя котораго Радищевъ обозначилъ лишь буквою Ѳ. и характеръ котораго весьма не похвалилъ, далъ книгу Гельвеція. „По его совѣту, Ушаковъ и мы за нимъ читали сію книгу, читали со вниманіемъ и въ оной мыслить научились. Лестна всякому сочинителю похвала и невѣжды, но Гельвецій, конечно, равнодушно не принялъ, узнавъ, что цѣлое общество юношей въ его сочиненіяхъ мыслить учился. (Гриммъ въ бытность свою въ Лейпцигѣ, извѣщенъ будучи, съ какимъ прилежаніемъ мы читали Гельвеціеву книгу о разумѣ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ, сказывалъ о семъ Гельвецію). Въ семъ отношеніи сочиненіе его не малую можетъ всегда приносить пользу“. Ушаковъ заболѣлъ. „Употребляя дѣйствительныя и мощныя лекарства, онъ не покидалъ, вопреки совѣту своего врача, упражняться денно и мощно въ чтеніи и въ сіе время началъ писать о книгѣ Гельвеціевой письма, коихъ найдено послѣ него только касающіяся до начала первой книги сочиненія о Разумѣ“.

Отмѣтимъ здѣсь же, что Пушкинъ въ статьѣ о Радищевѣ 1836-го г. пишетъ, что русскимъ молодымъ людямъ въ Лейпцигѣ „попался въ руки Гельвецій. Они жадно изучали начала его пошлой и безплодной литературы. Теперь было бы для насъ непонятно, какимъ образомъ холодный и сухой Гельвецій могъ сдѣлаться любимцемъ молодыхъ людей пылкихъ и чувствительныхъ, если бы мы, по несчастію, не знали, какъ соблазнительны для развивающихся умовъ мысли и правила новыя, отвергаемыя закономъ и преданіями. Намъ уже слишкомъ извѣстна французская философія XVIII столѣтія, она разсмотрѣна со всѣхъ сторонъ и оцѣнена. То, что нѣкогда слыло скрытымъ ученіемъ гіерофантовъ, было потомъ обнародовано, проповѣдано на площадяхъ и навѣкъ утратило прелесть таинственности и новизны. Другія мысли, столь же несбыточныя, замѣнили мечты учениковъ Дидерота и Руссо, и легкомысленный поклонникъ молвы видитъ въ нихъ опять и цѣль человѣчества и разрѣшенія вѣчной загадки, не воображая, что, въ свою очередь, онѣ замѣнятся другими“.

Но вліяніе Гельвеція отразилось не только на Ушаковѣ, но и на самомъ Радищевѣ. Пушкинъ очень правильно говоритъ, что въ Радищева философскомъ разсужденіи „О человѣкѣ и его смертности и безсмертіи“ виденъ ученикъ Гельвеція. Радищевъ, „хотя и вооружается противъ матеріализма, но охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ, доводы чистаго аѳеизма“. „Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія

его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидерота и Рейналя, но все въ нескладномъ и искаженномъ видѣ". Это замѣчаніе Пушкина совершенно правильно: двойственность Радищева объясняется тѣмъ, что онъ находился подъ двойнымъ вліяніемъ: съ одной стороны французской философіи, съ другой—сочиненій Гердера, Платнера и др., а также идей русскихъ мартинистовъ. По мнѣнію Пушкина, Радищевъ попалъ въ общество мартинистовъ, въ которомъ царила „странная смѣсь мистической набожности и философскаго вольнодумства".

Какъ извѣстно, въ русскомъ обществѣ, на-ряду съ идеями энциклопедистовъ, стали распространяться и мистическія тенденціи, проводимыя многими послѣдователями Сенъ-Мартена и розенкрейцеровъ. Если при большомъ дворѣ царили идеи энциклопедистовъ, то при маломъ дворѣ наслѣдника сочувствовали идеямъ масоновъ и мартинистовъ, подъ вліяніемъ которыхъ находился и Н. П. Панинъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ кругахъ масоновъ и мартинистовъ отношеніе къ Гельвецію могло быть только отрицательнымъ. Однимъ изъ первыхъ проповѣдниковъ мистицизма былъ московскій профессоръ И. Е. Шварцъ. Онъ читалъ лекціи сначала въ университетѣ, а потомъ въ частномъ домѣ. Лабзинъ говоритъ, что Шварцъ „въ то самое время, когда модные писатели поглощались съ жадностью незрѣлыми умами, принялъ на себя благородный трудъ разсѣять сіи возрастающіе мраки и безъ всякаго иного призыва, по сему единственному побужденію, въ партикулярномъ домѣ открылъ лекціи новаго рода для всѣхъ желающихъ. Съ ними разбиралъ онъ Гельвеція, Руссо, Спинозу, Ламетри и пр., сличалъ ихъ съ противными имъ философами и, показывая разность между ними, училъ находить и достоинства каждаго. Какъ будто новый свѣтъ просіялъ тогда слушателямъ" [1]). Шварцъ оказалъ значительное вліяніе на московскихъ масоновъ.

„Я думаю", пишетъ И. В. Лопухинъ Кутузову 14 октября 1790 г., „что сочиненія Вольтеровъ, Дидеротовъ, Гельвеціевъ и всѣхъ антихристіанскихъ вольнодумцевъ много способствовали къ нынѣшнему юродствованію Франціи. Да и возможно ли, чтобы тѣ, которые не чтутъ самого царя царей, могли любить царей земныхъ и охотно имъ повиноваться". А. М. Кутузовъ пишетъ Плещееву въ мартѣ 1792 г.: „Монархи веселились сочиненіями Вольтера, Гельвеція и имъ подобнымъ, ласкали, награждали ихъ, не вѣдая, что, по русской пословицѣ, согрѣвали змѣю въ своей пазухѣ; теперь видятъ слѣдствія блистательныхъ словъ, но не имѣютъ уже почти средствъ къ истребленію попущеннаго ими [2]).

Эта реакція противъ либеральныхъ идей энциклопедистовъ прово-

---

[1]) Тихонравовъ. Сочиненія III/I стр. 75.

[2]) Переписка московскихъ масоновъ XVIII в., изд. Барскова. Петроградъ, 1915.

дилась и въ журналистикѣ, такъ, напримѣръ, въ „Московскомъ Журналѣ пріятнаго и полезнаго препровожденія времени“ и въ „Ипокренѣ“ помѣщались статьи религіознаго характера въ противовѣсъ просвѣтительнымъ французскимъ идеямъ. При „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ выходилъ журналъ одного изъ воспитанниковъ университетскаго пансіона, Подшивалова, который очень рѣзко обрушился на французскую философію. Подшиваловъ напалъ и на Карамзина, выставивъ его матеріалистомъ, „послѣдователемъ невѣрнаго Гельвеція, который, раздробляя человѣка, сравнилъ его съ животнымъ, прикрывалъ ложь прикрасами и, питая страсти, портилъ нравы“ [1]).

И. И. Давыдовъ въ „Вѣстникѣ Европы“ подъ псевдонимомъ Мемнона пишетъ: „Съ непонятнымъ распространеніемъ въ отечествѣ нашемъ словесности французской, наводняемы мы были въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій книгами безъ всякаго разбора; ибо вмѣстѣ съ Фенелонами, Боссюетами, Лапласами, входили къ намъ ничтожныя сочиненія Вольтеровъ, Дидеротовъ, Гельвеціевъ“ [2]), которыхъ Мемнонъ называетъ самозванными философами. Кн. Одоевскій по поводу этихъ статей Давыдова писалъ въ „Мнемозинѣ“: „Одни боятся говорить о философіи, а другіе даже почитаютъ сію науку не только безполезною, но даже вредною“. Все это происходитъ отъ того, что „до сихъ поръ философа не могутъ себѣ представить иначе, какъ въ образѣ французскаго говоруна XVIII в.; много ли такихъ, которые могли бы измѣрить, сколь велико разстояніе между истинною, небесною философіею — и философіею Вольтеровъ и Гельвеціевъ?..“ „Тѣ, которые до сихъ поръ оскверняютъ высокое титло философа именами Вольтеровъ и Гельвеціевъ, удивятся епитету, приданному мною Спинозѣ; но для мыслящихъ сей епитетъ не покажется страннымъ“ [3]).

Два направленія мысли: либеральное и антирелигіозное, съ одной стороны, и мистическое—съ другой, продолжали долгое время жить въ русскомъ обществѣ и продолжаютъ, конечно, жить и до настоящаго времени, съ тою только разницею, что въ началѣ XIX в. Франція доставляла просвѣтительныя и антирелигіозныя идеи, а Германія — мистическія, тогда какъ впослѣдствіи оба направленія черпали изъ нѣмецкихъ источниковъ. О вліяніи Гельвеція въ началѣ XIX вѣка можно судить по тому, что Пушкинскій Евгеній, хотя издавна разлюбилъ чтеніе, однако для нѣкоторыхъ авторовъ дѣлалъ исключеніе, между прочимъ и для Гельвеція, такъ какъ въ его сочиненіяхъ отразился вѣкъ:

И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой

---

[1]) Тихонравовъ. Сочиненія, т. III/2, 2, стр. 151.
[2]) П. Н. Сакулинъ. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Т. I. Ч. I, стр. 33.
[3]) Тамъ же, стр. 138—139.

Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Но не только разочарованные эгоисты, въ родѣ Онѣгина, могли питаться идеями Гельвеція, а также и люди, вѣрующіе въ прогрессъ человѣчества и видящіе въ разумномъ политическомъ устройствѣ государства главное условіе всякаго прогресса; поэтому естественно предположить, что декабристы должны были внимательно изучать идеи Гельвеція. Такъ оно и было въ дѣйствительности; доказательство этого мы заимствуемъ изъ книги В. И. Семевскаго „Политическія и общественныя идеи декабристовъ“ Спб. 1909 [1]). Наибольшее вліяніе, говоритъ этотъ авторъ, на декабристовъ имѣли древніе авторы; изъ писателей XVIII в. сыграли значительную роль въ развитіи общественныхъ и религіозныхъ идей многихъ членовъ тайнаго общества Беккарія, Вольтеръ, Гельвецій, Гольбахъ и Райналь (стр. 229).

Баронъ Вл. Штейнгель въ своемъ показаніи говоритъ: „Теперь трудно упомнить все то, что̀ читалъ, и какое сочиненіе наиболѣе способствовало развитію либеральныхъ понятій; довольно сказать, что 27 лѣтъ я упражнялся и упражняюсь въ безпрестанномъ чтеніи. Я читалъ Княжнина Вадима, даже печатный экземпляръ Радищева „Поѣздка въ Москву“, сочиненія фонъ-Визина, Вольтера, Гельвеція“.

Въ библіотекѣ кн. Ѳ. П. Шаховского имѣлись и сочиненія Гельвеція. Пестель, очень образованный и начитанный, совѣтовалъ читать Беккарія, Филанджіери, Макіавелли, Вольтера, Гельвеція, Сэя, Адама Смита и другіе труды по политикѣ и юриспруденціи, „такъ какъ безъ этихъ свѣдѣній нельзя быть полезнымъ ни себѣ, ни обществу, ни отечеству“. Въ записной книжкѣ Пестеля, хранящейся въ архивѣ Государственнаго Совѣта, встрѣчаются выписки изъ Гельвеція, Гольбаха, Руссо, Кондильяка и др. Въ бумагахъ члена южнаго общества Крюкова сохранился списокъ 58 названій книгъ, которыми въ 1825 г. пользовались члены общества; въ числѣ книгъ, указываемыхъ спискомъ, значатся и сочиненія Гельвеція. Николай Бобрищевъ-Пушкинъ въ своемъ показаніи указывалъ на большое распространеніе въ обществѣ сочиненій Гельвеція, Даламбера, Вольтера, Гольбаха. Основатель „общества соединенныхъ славянъ“, подпоручикъ Борисовъ 2-й, говоритъ, что первыми свободными идеями обязанъ былъ занятіямъ классическимъ міромъ. Затѣмъ, находясь со своей ротой въ имѣніи богатаго польскаго помѣщика, у котораго была хорошая библіотека, Борисовъ прочелъ сочиненія Вольтера, Гельвеція, Гольбаха и другихъ, и проникся религіознымъ свободомыслiемъ.

---

[1]) Въ книгѣ Павлова-Сильванскаго „Очерки русской исторіи“ въ главѣ „Русскіе матеріалисты 20-хъ годовъ“ приведены тѣ же факты.

Начиная со второй половины 30-хъ годовъ, когда въ Россіи господствующимъ направленіемъ сталъ философскій романтизмъ, мы тщетно стали бы искать слѣдовъ вліянія Гельвеція. Д. Веневетиновъ, умершій къ 1827 г., уже могъ констатировать окончательное исчезновеніе французскаго вліянія. Въ статьѣ „Нѣсколько мыслей въ планъ журнала“ онъ пишетъ: „Давно ли сбивчивыя сужденія французовъ о философіи и искусствахъ почитались въ ней (т.-е. въ Россіи) законами? и гдѣ же слѣды ихъ? Они въ прошедшемъ или разсѣяны въ немногихъ твореніяхъ, которыя съ безсильною упорностью стараются представить прошедшее настоящимъ. Такое освобожденіе Россіи отъ условныхъ оковъ и отъ невѣжественной самоувѣренности французовъ было бы торжествомъ ея, если бы оно было дѣломъ свободнаго разсудка; но по несчастью оно не произвело значительной пользы: ибо причина нашей слабости въ литературномъ отношеніи заключалась не столько въ образѣ мыслей, сколько въ бездѣйствіи мысли. Мы отбросили французскія правила не отъ того, чтобы мы могли ихъ опровергнуть какою-либо положительною системою, но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся“.

И. В. Кирѣевскій въ 1832 г. писалъ А. И. Кошелеву: „О Гельвеціи, я думаю, я былъ бы такого же мнѣнія, какъ ты, если бы прочелъ его теперь. Но лѣтъ 10 назадъ онъ произвелъ на меня совсѣмъ другое дѣйствіе. Признаюсь тебѣ, что тогда онъ казался мнѣ не только отчетливымъ, яснымъ, простонародно-убѣдительнымъ, но даже нравственнымъ, несмотря на проповѣдованіе эгоизма. Эгоизмъ этотъ казался мнѣ только неточнымъ словомъ, потому что подъ нимъ могли разумѣться и патріотизмъ, и любовь къ человѣчеству, и всѣ добродѣтели. Къ тому же мысль, что добродѣтель для насъ не только долгъ, но еще щастіе, казалась мнѣ отмѣнно убѣдительною въ пользу Гельвеція. Къ тому же примѣръ его собственной жизни противорѣчитъ упрекамъ въ безнравственности [1]).

Указывая причины паденія французскихъ философскихъ идей, Веневитиновъ только отчасти правъ. Была и другая болѣе глубокая причина; если вникнуть въ то, что по преимуществу читало русское общество, чего оно искало въ сочиненіяхъ Вольтера, въ его философскомъ словарѣ и др., то окажется, что русскіе люди искали отвѣтовъ на религіозные вопросы. Въ этомъ отношеніи, напримѣръ, любопытны письма И. Тургенева; а такъ какъ эти запросы не могли найти удовлетворенія въ неопредѣленныхъ, насмѣшливыхъ, полускептическихъ мысляхъ Вольтера, то болѣе серьезные читатели должны были вскорѣ отвернуться отъ него. Вѣрны остались Вольтеру только старые закоренѣлые скептики; все живое и молодое перешло на сторону нѣмецкой идеалистической философіи.

---

[1]) См. И. В. Кирѣевскій. Сочиненія, томъ II. 1911 г., стр. 225.

Оригинально сужденіе Герцена о Гельвеціи, которое мы находимъ въ „Письмахъ объ изученіи природы“ (письмо 8-ое): „Когда Гельвецій издалъ свою извѣстную книгу „De l'esprit“, одна дама замѣтила: c'est un homme qui a dis le secret de tout le monde. Можетъ быть, женщина, съ чрезвычайной вѣрностью опредѣлившая не только Гельвеція, но и всѣхъ французскихъ мыслителей XVIII столѣтія, говоря это, не вполнѣ оцѣнила, что сказать то, о чемъ другіе молчатъ, несравненно труднѣе, нежели сказать то, о чемъ другимъ въ голову не приходило. Энциклопедисты дѣйствительно разболтали общую тайну, и за это ихъ обвинили въ безнравственности, а они собственно не были безнравственнѣе тогдашняго парижскаго общества, они были только смѣлѣе его“.

Только съ возрожденіемъ положительной философіи Конта и матерьялизма вновь попадается упоминаніе о Гельвеціи. Въ 1861 г. Гогоцкій въ своемъ словарѣ осудилъ книгу французскаго автора. „Сочиненіе Гельвеція о духѣ“, говоритъ онъ, „не имѣетъ научнаго значенія; оно обязано своимъ успѣхомъ общему настроенію умовъ и особенной ясности изложенія, которая скрываетъ трудныя стороны вопросовъ и, по крайней мѣрѣ, повидимому, дѣлаетъ ихъ понятными“. Но съ такой оцѣнкой, конечно, не могъ согласиться возродившійся у насъ матерьялизмъ. Въ книгѣ Н. Бельтова „Къ вопросу о монистическомъ взглядѣ на исторію“ (стр. 4—9 и 112) мы читаемъ. „У французскихъ матеріалистовъ была та неоспоримая и незамѣнимая заслуга, что они мыслили послѣдовательно съ точки зрѣнія современной имъ науки, а это все, чего можно и должно требовать отъ мыслителей... Противники этихъ философовъ были отсталыми людьми уже по отношенію къ тогдашней наукѣ“. „Взглядъ на человѣка, какъ на плодъ окружающей среды, былъ главной теоретической основой французскихъ матеріалистовъ. Поставьте людей въ разумныя общественныя отношенія, т.-е. въ такія условія, при которыхъ инстинктъ самосохраненія каждаго изъ нихъ перестаетъ толкать его на борьбу съ остальными; согласите интересъ отдѣльнаго человѣка съ интересомъ всего общества — и добродѣтель явится сама собой“. Г. Бельтовъ указываетъ, на-ряду съ заслугами Гольбаха и Гельвеція, и недостатки ихъ и дѣлаетъ это весьма правильно, онъ забываетъ лишь, когда утверждаетъ, что противниками французскихъ матеріалистовъ были люди отсталые въ научномъ отношеніи, что къ числу противниковъ идей Гельвеція принадлежали и Руссо, и Дидеро, — превосходившіе Гельвеція въ смыслѣ таланта и не уступавшіе ему въ научномъ отношеніи. Въ своей нѣмецкой книгѣ — „Beiträge zur Geschichte des Materialismus“,—г. Г. Плехановъ подробно останавливается на Гельвеціи и выясняетъ его значеніе въ исторіи экономическаго матеріализма: Гельвецій былъ матеріалистомъ и съ величайшей послѣдовательностью выводилъ изъ своего принципа слѣдствія. Онъ единственный философъ XVIII вѣка, поставившій вопросъ о происхожденіи нравственнаго чувства и выводившій его изъ ощущеній; идеи Гельвеція лежатъ

въ основѣ утилитаризма Милля и теоріи Адама Смита. Въ то же время Г. Плехановъ указываетъ весьма правильно на противорѣчіе въ системѣ Гельвеція: въ его ученіи, выводящемъ изъ потребностей человѣка весь нравственный міръ, нѣтъ, конечно, мѣста абсолютнымъ идеямъ добра и справедливости, между тѣмъ Гельвецій, подобно остальнымъ философамъ XVIII-го вѣка, вѣрилъ въ естественное право, какъ выраженіе разумной природы человѣка.

Въ настоящее время книга „De l'esprit" имѣетъ лишь историческое значеніе, и никто, конечно, не станетъ поддерживать положительную сторону ученія Гельвеція, но критическая сторона книги нисколько не потеряла значенія для тѣхъ странъ, въ которыхъ политическій строй находится въ періодѣ сложенія, въ которыхъ старые порядки, осужденные исторіей, все еще держатся вопреки разсудку и государственной пользѣ.

10 февраля 1917.